

БОЙД АЛЕКСАНДЕР

**6000 миль по рекам
дикой Африки. Том III**

Бойд Александер

**6000 миль по рекам
дикой Африки. Том III**

«Издательские решения»

Александр Б.

6000 миль по рекам дикой Африки. Том III / Б. Александр —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981871-3

Книга представляет собой описание научного путешествия по Африке четырех англичан во времена, когда на континенте еще оставались «белые пятна». В этой экспедиции только автору удалось завершить планируемый маршрут. Один участник был вынужден вернуться. Два других спутника автора погибли в течение первых двух лет путешествия. В книге есть описания конфликтов с каннибалами, охотничьих приключений, междоусобных туземных войн и обычаев диких племен. Книга содержит десятки авторских фотографий.

ISBN 978-5-44-981871-3

© Александр Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава XVIII. Сражение с разбойниками тубу	7
Глава XIX. Мое второе путешествие на озеро	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

6000 миль по рекам дикой Африки Том III

Бойд Александер

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Бойд Александер, 2020

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-1871-3 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-1482-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капитан стрелковой бригады Джордж Беннет Гослинг

Глава XVIII. Сражение с разбойниками тубу

Именно во время моего путешествия, описанного в предыдущей главе, я имел счастье наблюдать бой между людьми племени тубу и качеллой Йо (наместником султана в Йо). Раньше мне приходилось упоминать о тубу, и я буду делать это еще раз в следующей главе; но всякий раз, когда они появляются на сцене, это всегда связано с каким-то актом беззакония и разбоя. Это племя кочевников-разбойников, которые живут во французской Сахаре за рекой Йо, где они ведут кочевую жизнь, и их единственный промысел – выращивание овец и крупного рогатого скота, шерсть и шкуры которых они приносят на рынки для обмена на кукурузу. Несомненно, их стада пополняются за счет тех животных, которых они уводят во время своих рейдов через реку в Борну. Также мы знали, что они похищают женщин и детей, когда на это получают шанс, и продают их людям будума в качестве рабов. Они вооружены длинными копьями, ездят на верблюдах и маленьких лошадях, на которых могут путешествовать на очень большие расстояния, быстро концентрируясь в точке, где был назначен рейд, и внезапно рассеиваются, когда их встречает сильный противник.

Тубу имеют союзников в лице племен моббур, которые обитают в деревнях вдоль реки со стороны Борну. Эти люди живут, главным образом, без законов, грабят друг друга, а также своих соседей, а их начальники-канури, не имеют никакого контроля над ними.

Воины пустыни (фрагмент картины художника Евгения Феликса Брахта)

Они имеют восточное происхождение и по типу очень напоминают берберов. Кроме того, их способ выращивания пшеницы такой же, как и у народов на Ниле. Их поля орошаются канавами, выкопанными близко к берегу реки. Воду в канавы из реки подают с помощью примитивных ручных приспособлений. Орошение требует работы по многу часов каждый день.

Тубу имеют союзников в лице племен моббур, которые обитают в деревнях вдоль реки со стороны Борну. Эти люди живут, главным образом, без законов, грабят друг друга, а также своих соседей, а их начальники-канури, не имеют никакого контроля над ними

Они имеют восточное происхождение и по типу очень напоминают берберов. Кроме того, их способ выращивания пшеницы такой же, как и у народов на Ниле. Их поля орошаются канавами, выкопанными близко к берегу реки. Воду в канавы из реки подают с помощью примитивных ручных приспособлений. Орошение требует работы по многу часов каждый день.

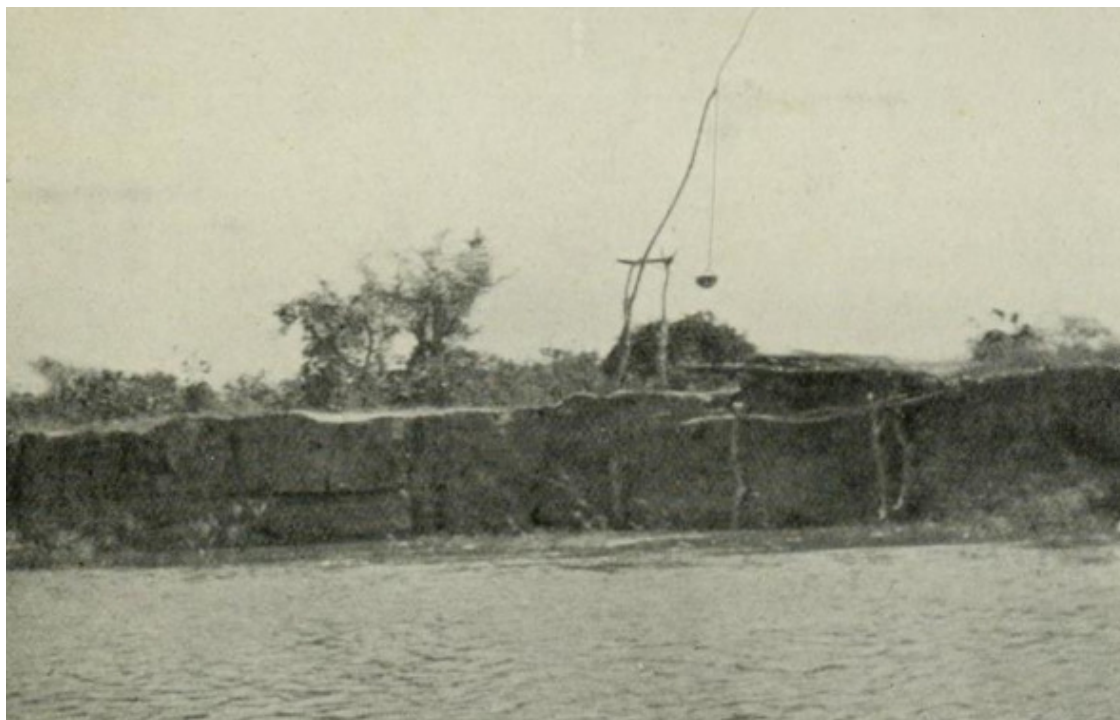
Когда в разных городах этой части страны организуются рынки, коварные моббуры используют выгоду союза с тубу, для которых выступают в качестве шпионов, предоставляя информацию о дорогах, по которым будущие жертвы будут везти товар, а часто и сами участвуют в нападениях, за что получают часть добычи. Эти акты беззакония становятся более частыми, когда падение уровня воды в реке облегчает тубу переправу на другой берег и доставку награбленного на свою сторону, где их преследование затруднительно.

Туземный «насос» для перекачивания воды из одной оросительной канавы в другую

В это время район находился в самом тревожном состоянии; туземцы собирались вооружаться и путешествовали только ночью из-за боязни тубу, которые во время сухого сезона снова намеревались активизировать свою разбойничью деятельность. Кроме того, караван в Мекку проходил по всей стране, и это всегда давало прекрасную возможность для грабежа, Тубу, как стервятники, парили по всему пути мирных паломников и их стад.

Этот караван был частью великого паломничества, которое ежегодно едет в Мекку из всех мусульманских районов Африки. Паломники с запада идут через Форт-Лами (*ныне Нджамена, столица Чада. Примечание переводчика*) и Фиттри в Вадае и так далее через Дар-фур к Нилу, где они нанимают лодки до Хартума, через который, как мне сказали, в этом году прошли 80 000 человек.

Приспособление для заполнения оросительных канав из реки Йо

Из Хартума британское правительство дает возможность всем, у кого нет своих средств передвижения, проехать по железной дороге до Суакина, а оттуда на лодках через Красное море в Джидду. Когда караван отправляется к Суакину, это живописное зрелище. Лагерь паломников с их белыми палатками на фоне бесплодных песчаных холмов, где, когда поезд останавливается, путешественники спрыгивают с вагонов и присоединяются к другим паломникам, чтобы за несколько минут помолиться до того, как поезд продолжит путь. Места таких молитв отмечены камнями. Истинный магометанин должен, хотя бы один раз в своей жизни, совершить паломничество в Мекку, и путешествие туда и обратно часто занимает четыре года. С искренне набожными идут много нахлебников, которые используют защиту, которую караван предоставляет для путешествий и торговли. Многие из этих пристроившихся, когда они достигают понравившегося им места, селятся там, и лишь немногие из них выходят за пределы рынков Вадая*

* *Вадай – в то время территория между озером Чад и провинцией Дарфур на западе Судана. В настоящее время – часть государства Чад. (Примечание переводчика).*

Караван, который нынче собирался в Мекку, первоначально стартовал в Тимбукту (*город в современном Мали*) и, увеличиваясь по мере того, как он проходил по разным территориям, и теперь насчитывал 700 человек и тысячу голов овец и крупного рогатого скота. Караван возглавляли малламы (проповедники) хауса и фулани, которые следили за кормлением паломников и отвечали за порядок в караване. Малламы также организовали оплату пошлины за защиту различным вождям и царькам, через чьи страны проходил караван.

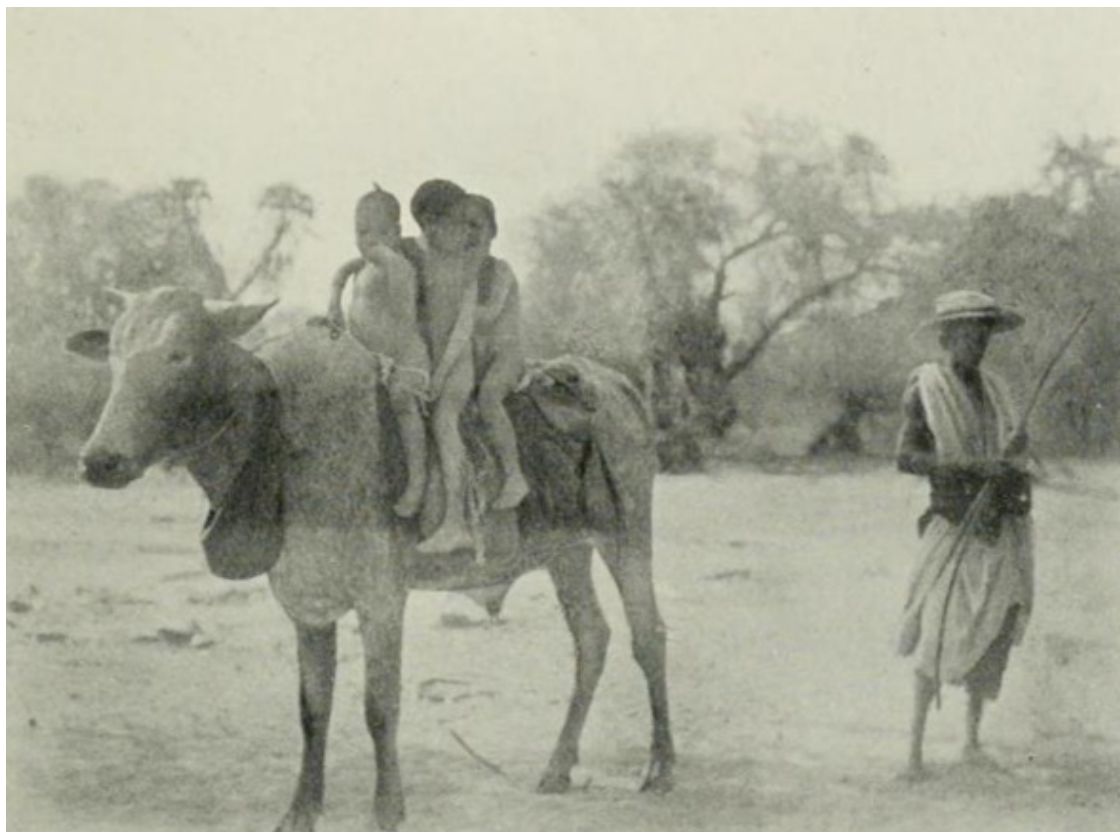

Вадай на современной карте Чада

Организация была прекрасная, это медленно движущееся сообщество состоящее из разнообразных рас, крупного рогатого скота и овец, образовало колонну, протянувшуюся на многие мили. Шли целыми семьями, неся все свои вещи. Здесь были и взгромоздившиеся на спины волов малые дети, которых родители взяли в дорогу. Скот был их богатством, чтобы торговать и платить, и где бы они не останавливались, земля покрывалась пасущимися стадами, возникало временное селение и появлялся рынок для торговли с местными жителями.

Таким образом, в течение 1500 лет эта река жизни ежегодно текла, и, скорее всего, также выглядела картина во времена еще более раннего пророка, чем Магомет, когда Моисей привел людей в Израиль из Египта.

Британское и французское правительства осознали великое политическое влияние, которое караван в Мекку оказывает на территории, которые он пересекает на своем пути с запада на восток. И очень разумно, что они оказывают ему всяческую помощь и защиту при прохождении через районы, которые находятся под их контролем. Таким образом, паломники разносят весть о силе и доблести белого человека во всех регионах, которые до сих пор оставались невежественными или их люди подозрительно относились к правлению европейцев.

Пилигримы на пути в Мекку

Этот караван вошел в Борну в Гайдаме (Западная Нигерия – 10°27'N 11°45'E), где он попал под британскую защиту, и английский резидент послал приказ качелле территории Йо предоставить эскорт, чтобы обеспечить каравану безопасность во время пути через его район. Соответственно, качелла, великолепный экземпляр человека, высотой 6 футов 3 дюйма и знаменитый вояка, немедленно выехал из Йо с более чем 150 всадниками и сформировал конвой для каравана. Непосредственно за городом Бултури,* в трехдневном марше от Гайдама, проезжая через густой буш, караван попал в засаду моббуров, которые произвели обстрел отравленными стрелами, убив несколько лошадей и двоих людей эскорта. Этот случай на некоторое время привел караван в замешательство, из которого он был выведен с трудом, а много скота и овец были потеряны или стали жертвами моббуров.

** Современное селение Гашагар на реке Йо, в 60 километрах к западу от озера Чад. (Примечание переводчика).*

На выходе из буша паломники встретили более грозного врага в лице 400 всадников тубу, ожидающих на равнине и готовых начать атаку. Качелла быстро остановил караван и, став во главе своего отряда, на лошади направился прямо к тубу, врезавшись в их толпу, и застрелив двух разбойников из револьвера. Настолько блестящим было нападение отряда и так велика была личная храбрость качеллы, что тубу, хотя их было в три раза больше, отступили и на некоторое время скрылись за пересыхающей мелководной рекой. В этой битве Качелла получил восемь ран, потеряв семь человек и тридцать лошадей. Потери тубу были больше, и, хотя они оставалось более многочисленными, чем отряд эскорта, разбойники не осмелились далее преследовать караван и дали ему возможность без дальнейших потерь попасть в Бултури, где он укрылся за оградой. Однако, тубу вернулись и окружили город, блокируя все пути выхода,

и качелла был осажден там в течение четырех дней, не осмеливаясь выйти со своими ослабленными силами и панически расстроенным караваном.

Бултури

На третий день осады качелле удалось послать двух всадников, прорвавшихся через кольцо разбойников и доскакавших до старого «короля» провинции Йо, попросив его выяснить мое местонахождение и попросить меня собрать всех людей, которых я смогу отправить на помощь Бултури. В это время я был в деревне Арреги, примерно в пятнадцати милях от деревни Йо (одноименной с названием реки и провинции), где посланники нашли меня в тот же вечер. Я сразу же вызвал местного вождя и приказал ему привести всех мужчин, которых он мог найти в округе. К утру он собрал шесть всадников и тридцать лучников, и я сразу же направился с ними к Йо. Дорога проходила через густой буш, и мы не могли видеть дальше, чем на сотню ярдов вперед. Было очень холодно, как в английский зимний день.

Примерно в трех милях от деревни Йо нас встретили гонцы, которых отправил «король», чтобы получить известие о том, где мы сейчас находимся. Гонцы поспешили назад к «королю», а мы сами вошли в селение в полдень. Я очень хотел, как можно скорее направиться к Бултури, поэтому сразу же отправился в дом, в котором я останавливался раньше, и где мне сказали, что «король» вскоре туда придет. Он подъехал днем в сопровождении около сорока лучников. Это был лохматый человек, с густой седой бородой. На голове он носил широкополую соломенную шляпу. Его тело было одето в длинное пальто с защитой от стрел, а у его плеча висел колчан со стрелами. На его поясе висел Коран в кожаной сумочке, а на боку – меч, в руке он держал лук. В целом – воинственная фигура. Но его вид противоречил его репутации слабого правителя. Действительно, вся власть находится в руках качеллы (наместника султана), хотя он по рангу не такой большой человек, как «король».

Тем не менее, «король» выразил намерение сопровождать меня, и мы немедленно организовали военный совет. Я сказал ему, что готов немедленно идти, но «король» посоветовал подождать до наступления темноты, так как теперь жара была очень велика, и люди, которых я привел из Арреги, нуждались в отдыхе, прежде чем совершить марш в двадцать миль к Бултури. С этим предложением я согласился. Соответственно, после короткого отдыха и еды, я начал движение в пять часов вечера, договорившись встретиться с королем недалеко от осажденного города, так как он отправился собрать еще больше людей. Кроме меня, Хосе

и короля, у нас было только шесть всадников из Арреги, так как качелла взял с собой почти всех всадников из Йо.

Действительно, когда я пришел в этот день, селение казалось пустынным. Женщины и дети, оставленные, таким образом, незащищенными, находились, в основном, в своих домах. Остальная часть нашего отряда состояла из пяти человек моего эскорта, которых я обучил, как солдат, четырех носильщиков и около семидесяти лучников.

Форсированный марш в течение шести часов без перерыва привел нас в Погву или Город собак, так я переименовал его из-за наиболее характерной особенности. Здесь мы остановились на час, и я успел выпить чашку чая. Деревня оказалась почти пустой, потому что всех трудоспособных мужчин вызвали на службу к качелле. Но собаки, по-видимому, не последовали за своими хозяевами, судя по общему хору лая и воя, который мы уловили, как только подошли на дальность слышимости. Поскольку теперь мы находились в той части страны, которая ранее несколько раз подверглась набегам тубу, я принял меры предосторожности, выслав вперед разведчиков на оставшуюся часть марша. Также существовала опасность засады моббуров в густых пальмовых рощах, которые выстроились вдоль дороги на другой стороне Погвы. Но никаких врагов не было видно, и мы еще четыре часа шли к Бултури.

«Король» провинции Йо

Уже начинался рассвет, когда раздался отдаленный грохот барабанов. По мере приближения грохот становился все громче, и в настоящее время можно было отличить отдельные такты, которые звучали в ритме, означая определенные сигналы и слова. Это были тубы, сигнализирующие в осажденный город устрашающие фразы. Позже я услышал от Качеллы, что

барабанщик всю ночь посылал сигналы такого смысла: «Где твои большие друзья? Мы придем, чтобы съесть тебя!»

Когда мы подошли, бой барабанов прекратился. По всему континенту аборигены имеют очень совершенную систему сигнализации барабанами, так они посылают сообщения из деревни в деревню, и довольно успешно и эффективно. Таким образом, они могут распространять новости быстро и далеко. Барабанная информация всегда передается ночью, когда звук распространяется дальше, иногда на расстояние до двух миль.

В город Бултури мы вошли беспрепятственно, так как разбойники не организовали его круговую блокаду, это и позволило двум всадникам-гонцам принести известие, что караван попал в беду. Более того, узнав о нашем приближении и не зная наших сил, разбойники отошли за реку. Бултури предстал в необычном виде; повсюду стояли и лежали женщины, дети, паломники, священники и солдаты; лошади, коровы и овцы, в некоторых местах, сгруппированные, в других, разрозненные, дополняли картину величайшего смятения, напоминая сцену паники в «Ноевом ковчеге». Все люди и скот находились на открытом пространстве, окруженном грубой оградой из колючих кустов против нападения диких зверей ночью.

Как только мы вошли в пределы города, качелла выехал вперед с малламами и всадниками. Все искренне приветствовали нас и благодарили за помощь. Затем качелла отвел меня в свою большую арабскую палатку, которую мне предоставил.

Он рассказал о своем сражении с тубу, проверил, чтобы я ни в чем не нуждался и организовал кормление для моих людей, спрашивая, могут ли они урезать рацион, поскольку запас продовольствия иссякал. Качелла выглядел измученным потому, что страдал от ран, и, должно быть, потерял много крови. Но, как прирожденный воин и железный человек, он никогда не говорил мне о своих ранах, считая раны достоинством лидера, и я узнал о ранениях только из его разговоров с Хосе, который был его старым знакомым. Хосе смазал раны йодом и перевязал, поэтому позже я смог их осмотреть. Всего было восемь ран от копья, на спине, груди, руках и ногах, три из них были значительной глубины, и вероятно, были бы смертельными, если бы не туземные «доспехи» против стрел. Хосе удивлялся, что этот человек может подняться и ходить вообще, будучи многократно раненым, опухшим и крайне ограниченным в движениях. И только его великолепная мышечная масса позволила ему держаться, скрывая слабость и боль, от которых он, несомненно, страдал.

День был потрачен на отдых моих людей и посылку всадников на разведку. Лагерь противника находился на расстоянии около четырех часов пути на французской территории, на другом берегу реки Йо. Качелла, который, несмотря на свои раны, стремился пойти туда, если бы у него не было строгих приказаний от правительства не входить на французскую территорию под любым предлогом, старался уговорить меня совершить ночную атаку, что мне невозможно было сделать по тем же причинам, и я был вынужден отказаться. Мы остались в Бултури.

На следующее утро наша маленькая армия была собрана для марша, чтобы сопроводить караван в Йо. Это было великолепное зрелище. Качелла в защитном от стрел «пальто», толщина которого сделала пропорции воина гигантскими, водрузился на лошадь и принял клятву верности от своих воинов. Сначала подошли лучники, которые молча потрясли своими луками; затем подъехали всадники, одетые в белые плащи, украшенные красными, синими и черными узорами, на лошадях, покрытых длинными защитными от стрел попонами, которые давали им сходство со средневековыми рыцарями, готовящимися на турнир. Подняв копыта, всадники образовали кольцо вокруг вождя, издавая воинственные крики.

Скотина каравана паломников в Бултури

В то время, как качелла с помощью Хосе организовывал караван для марша, я видел, как организуется отряд из авангарда всадников, которым командовал Хосе и арьергард под командованием старого «короля». Затем я расставил лучников через интервалы между паломниками каравана и выслал группы разведчиков по флангам. Мы с качеллой возглавили караван, который теперь начал медленно выходить из города. В процессии двигались волы, тяжело нагруженные пакетами, кастрюлями и сковородками, а поверх всего сидели маленькие обнаженные дети. Иногда эти грузы с грохотом падали на землю. Безмолвные женщины, балансируя корзинами на головах и неся своих детей, подвешенных за спину, шли, безразлично и устало смотря на окружающих. Коровы, овцы и козы шли в облаках пыли, мужчины и мальчики метались назад и вперед, чтобы провести свои стада через бреши в колючей ограде. В толпе тащились, относительно не столь чернокожие, фулани и хауса из Сокото, темнокожие люди из Мелле и Тимбукту, и многие малламы с их тюрбанами и белыми одеждами. Все шли спокойно и не чувствуя опасности. Кроме того, раненые в недавнем сражении ехали на ослах, а другие хромали рядом, в то время, как старый воин ведомый своим сыном, нащупывал дорогу потому, как был совершенно слепым, так как копье разбойника-тубу выкололо ему оба глаза.

Качелла (наместник султана Борну) в провинции Йо

Сразу за пределами Бултури мы пересекли место сражения отряда качеллы с тубу, где опухшие и гниющие туши лошадей, которые стали жертвами отравленных стрел* противника, источали ужасное зловоние.

**Эффект от поражения отравленными стрелами внезапен и смертелен. Через несколько минут жертву охватывают судороги, которые быстро уступают место обесцвечиванию и опуханию тела. Малламы хранят секрет противоядия от яда, и передают его влиятельным вождям, которые таким образом демонстрируют свое мужество перед соплеменниками, не рискуя умереть от яда. Противоядие представляет собой жидкий препарат, который действует как превентивный, и воины, такие как наш качелла, которые часто подвержены риску ран от отравленных стрел, принимают суточную дозу. Таким образом, они могут выделиться среди своих воинов и могут атаковать противника, не рискуя умереть от отравленной стрелы. Противоядие также дается любимым лошадям, но в отношении них его защитный эффект отнюдь не определен. Есть много малламов-шарлатанов, которые притворяются обладающими секретным снадобьем и ведут бойкую торговлю с туземцами, которые веря им, покупают пустышку вместо лекарства. Купившие подобное «чудо-средство» в течение длительного времени будут верить в него, пока не получат свою стрелу. А получив ее, едва ли будут иметь достаточно времени, чтобы возбудить дело против исламского маллама за мошенничество.*

Когда мы отошли, примерно, на пять миль от города, на противоположном берегу были замечены тубу, двигавшиеся параллельно на нашем левом фланге. В течение всего дня продолжалось это параллельное преследование, и караван тяжело шел через песчаные территории в облаках пыли, поднятой людьми, скотом и всадниками. Время от времени разведчики пыта-

лись атаковать отдельные малые группы врага на нашем берегу, но они не дожидаясь нападения, сразу скакали через реку.

Всадник-тубу

Вскоре отряд тубу показался впереди. Хосе собрал своих всадников, которые теперь насчитывали шестьдесят человек (к нам на марше присоединилось еще несколько кавалеристов), и атаковал врага, который внезапно запаниковал и побежал, собираясь укрыться в густом кустарнике позади них. На своих маленьких лошадях они ушли с изумительной быстротой, растворившись в низком кустарнике, где нашим более крупным лошадям было невозможно следовать за ними. Тем не менее, некоторых из них достали копьями. Именно после этой битвы

к нам подошел старик-воин из отряда, преследовавшего врага и, приветствуя нас, с гордостью показал нам кровавые раны на голове и на лице. Затем он спрыгнул с лошади, перевязал голову большими листьями, которые росли в кустах, и, снова поднявшись, поехал на свое место в авангарде.

Качелла и «король» Йо выходят из Бултури

Во время атаки один из всадников Хосе, человек, который сопровождал нас в нескольких охотничьих экспедициях в этой стране, повернул назад и побежал, проскользнув среди всадников основного отряда. Но острый глаз качеллы быстро заметил беглеца, и вождь приказал его задержать. Оправдание дезертира основывалось на том, что он полагал, что основной отряд и так достаточно силен и не нуждается в его поддержке. У дезертира отняли копье и лошадь, он стал объектом всеобщего презрения и был вынужден идти пешком.

Перед нападением (картина Адольфа Шрейера)

Караван следовал по трудному пути без остановок, за исключением таких случаев, когда тубу на время преграждали дорогу. Вскоре мы дошли до Погвы, и здесь произошла еще одна короткая остановка, во время которой были расчищены пальмовые заросли во избежание

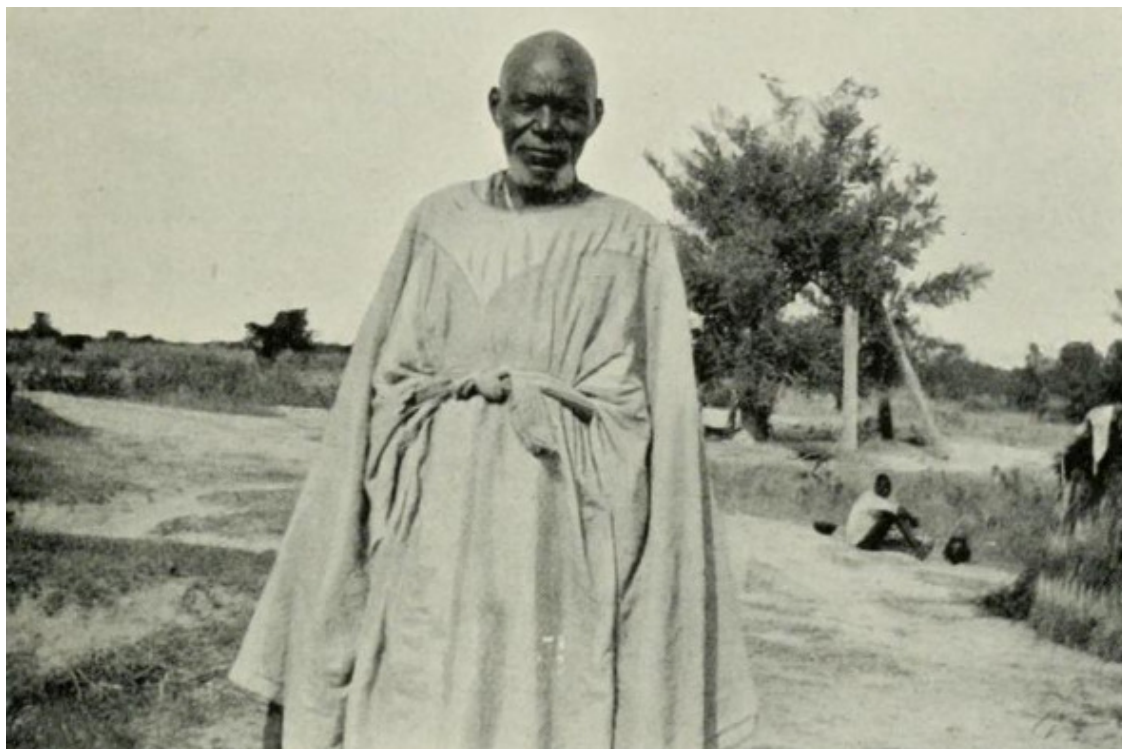
засады моббуров. Проехав несколько миль через густой буш за деревней, разведчики обнаружили большой отряд тубу, поэтому авангард остановился, пока караван не укрылся на краю кустарника. Там, на равнине, недалеко от берега реки сосредоточились все силы тубу, всего около 400 всадников. Мы шли из города Бултури с большей скоростью, чем они ожидали, и поэтому застали их врасплох. Все разбойники были спешившись и купали в реке своих лошадей. Не теряя ни минуты, их атаковал наш авангард, а затем в рядах противника началась паника. Тубу бросились к своим лошадям и разбежались по всем направлениям. Всадники качеллы отлично орудовали своими копьями. Хосе заметил вождя тубу, окруженного толпой людей, поскакал напрямик к нему, схватил за поводья его лошадь и выстрелил в него, когда тот садился в седло.

Тридцать врагов были убиты, а многие были ранены. Качелла потерял пять человек убитыми и несколько ранеными.

Смерть их лидера поразила разбойников, которые теперь полностью исчезли и оставили нас беспспорными хозяевами пути к Йо. Качелла и малламы были в восторге от успешного разгрома врага, и вождь отправил двух всадников, чтобы передать благодарность Хосе за то, что он убил вождя разбойников. Поскольку дорога была теперь безопасна, и мое присутствие в караване больше не было необходимо, я уехал с Хосе в Йо, прибыв туда около пяти часов. Некоторые паломники из каравана остановились в буше. Остальные продолжали идти, пока не оказались в пределах видимости деревни, а потом легли на землю и уснули.

Дом, в котором я остановился по прибытии в Йо, располагался на небольшом холме недалеко от деревни. Вскоре Хосе попросил меня выйти наружу, и там, с холма, я увидел, как качелла и его воины собрались под бой барабанов вокруг развевающегося флага. Когда они увидели, что я вышел на холм, они поскакали галопом к нам; затем внезапно остановились передо мной, мгновенно вскинув свои длинные копья и крича: «Белый человек показал нам дорогу домой в Чад».

Когда качелла вошел в деревню, женщины и дети окружили его, спрашивая о подробностях, и он рассказал им об убийстве вождя тубу. Но, когда они просили его сообщить о своих павших, он не стал говорить, не желая слышать, как женщины плачут. Затем женщины ждали, когда все воины войдут в деревню, так что убитых можно было определить по их отсутствию в толпе победителей. И всю ночь раздавались рыдания женщин, призывавших погибших вернуться.

Старый воин в накидке, защищающей от стрел. Он был одним из убитых в сражении

Глава XIX. Мое второе путешествие на озеро

13 февраля Гослинг отправился в Куссери (рядом с Форт-Лами, нынешней столицей Чада Нджаменой. *Примечание переводчика*), который должен был стать нашей новой базой, взяв с собой большую часть снабжения. В его караване было не менее пятидесяти быков, чтобы нести груз, и пять лошадей, включая двух, принадлежащих повару Джону и Кавассо (мальчику-слуге моего покойного брата). Поскольку они были в Борну, великой стране лошадей, где многие имеют своего коня, «бои» обезумели в желании обладать лошадьми и больше ни о чем не говорили у костров в лагере.

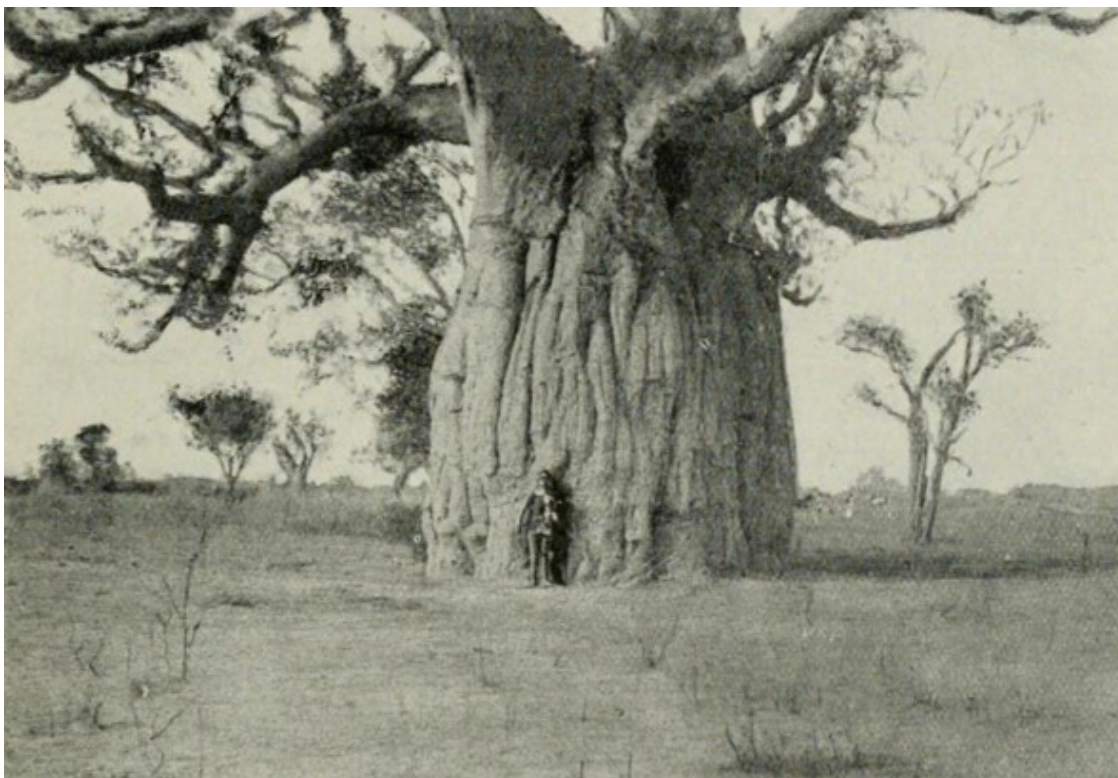
Оказывается, Джон и Кавассо, инвестировали свои сбережения в лошадей в Кукаве, платя за них по 6 фунтов за голову; но их гордость от владения лошадью была кратковременной и дорогостоящей, особенно для Кавассо, который должен был продолжить путешествие по воде, и поэтому повар и слуга вынуждены были расстаться с лошадьми в Форт-Лами, продав их по одному фунту за голову.

Хосе отправился в тот же день с Галадимой* и перевозчиками, чтобы собрать запасы кукурузы для нашего путешествия по озеру. В то же время он заложил запас провизии, в том числе ямса, перца, лука, сладкого картофеля, арахиса и помидоров. Эти последние, которые, в основном, выращивались в Монгонне, были тогда в полном сезоне и очень хороши. Я нашел их восхитительными, но им не хватало средств сохранения, потому что мы были вынуждены хранить их в герметичных коробках с салатным маслом.

Кукава (красная стрелка), Бага или Кова-Бага (синяя стрелка)

**Дэн Галадима – «сержант» эскорта экспедиции, награжденный медалью за военную кампанию британцев в Кано!*

Баобаб

По прибытии в Кукаву Хосе обнаружил, что не сможет получить «геро» (просо), которое он купил, как обычная женщина, на рынке. «Королева» Кукавы неохотно призналась, что ей сказали не помогать мне. Тогда Хосе, очень изумленный, отправился к «шеху» (шейху) для объяснений. Шейх сказал, что ему очень жаль, но он обязан подчиняться приказам. Он добавил, что ему сказали, что я «нехороший», и ему не следует вступать в сделку ни с одним англичанином. Однако, его собственное доброе сердце не было отравлено, и он тайком снабдил Хосе провизией и разместил его в доме возле дворца. В дневнике Гослинг от 13 февраля пишет:

«Прибыл в Кову на закате и нашел инструкции „королю“ не продавать нам ничего. Однако, „шеху“ отправил человека, чтобы дать распоряжение выдать нам все безвозмездно и в достаточном количестве».

Я упоминаю эти инциденты, чтобы показать, что наша экспедиция встречала не только обычные трудности, с которыми сталкиваются все исследователи.

После отъезда Гослинга и Хосе Каддай стал очень скучным местом. Хижины носильщиков были пустынные, а по ночам только один или два костра проливали свет на опустевшее поселение.

23 февраля Хосе вернулся, и лодки были готовы к нашему плаванию через озеро. Экипажи состояли из Галадимы, Лоуи (помощника повара), Кавассо (слуги), маленького мальчика-канури (нового рекрута) и восьми «шестовиков» под руководством Оделая (кормчего). Мы взяли с собой достаточно «отбивных», чтобы продержаться месяц. Несколько оставшихся носильщиков-хауса, которые были со мной от Локоджи, были справедливо рассчитаны; двое из них взяли на себя обязательство доставить в Локоджу коробки с птичьими шкурками для отправки в Англию. Коробки прибыли в Локоджу в отличном состоянии после того, как эти люди прошли 500 миль; что создает хорошую репутацию надежности носильщиков народа хауса.

В этой второй попытке пересечь озеро до устья Шари я решил попробовать использовать влияние потока воды из реки Йо, поэтому мы намеревались проследовать вдоль знакомого

западного берега. Почти везде глубина была около 4 футов, такая малая глубина объяснялась тем, что река Йо отдала почти всю воду озеру.

На пути к устью Йо мы увидели то, что поначалу приняли за стадо коров, пасущихся на одном из островов, но приблизившись, мы обнаружили, что это были бегемоты. Я насчитал их шестьдесят. Бегемоты оказались здесь из-за того, что река почти пересохла. Именно в это время года будума охотятся на них. Они убивают их копьями и разрезают шкуры на полосы, которые являются ценными статьями торговли на рынках Борну.

Наши лодки в Каддае

Мы расположились лагерем на острове около устья Йо в течение трех дней, в то время как Хосе отправился в Боссо, чтобы получить дополнительный запас провизии. В этот раз рыбаки-будума и пеликаны были не столь многочисленны потому, что рыба больше не спускалась в озеро, и река почти перестала течь. Вдоль ее русла вода была разбита на бассейны, которые были просто перенаселены прыгающей рыбой, и огромными крокодилами, отдыхающими в сухой траве на берегах.

Однажды утром в лагере поднялось волнение, когда «бои» увидели на горизонте, крошечное пятнышко, которое затем оказалось всадником, приближающимся к нам. Каждый задавался вопросом, кто это мог быть. Когда всадник был в 500 ярдах от озера, он остановился, некоторое время пристально смотрел в нашу сторону, а затем ускакал. «Бои» заявили, что это был разведчик тубу.

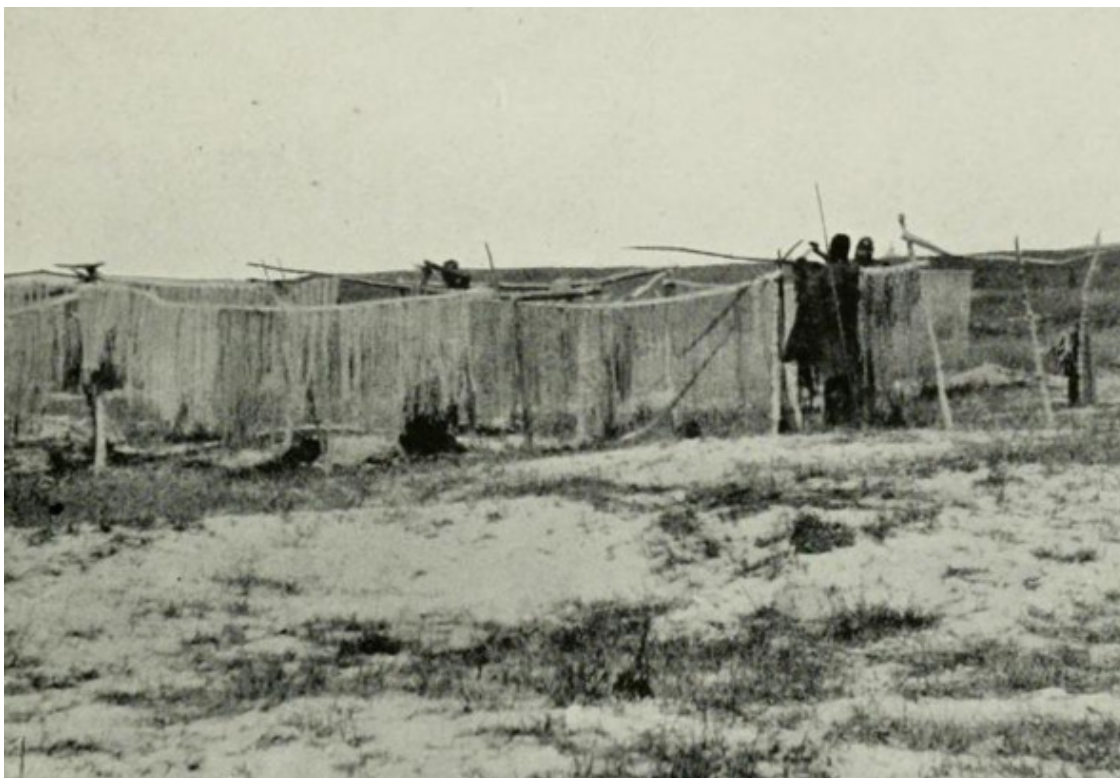

Наши лодки на озере Чад

Хосе вернулся, и мы продолжили свой путь, взяв курс на север, огибая берег. Когда мы проплыли около пяти миль, обнаружили маленький остров, длиной около полумили, лежащий справа от нас. Это была рыбацкая станция племени будума, покрытая каркасами из жердей, на которых сушились гигантские рыбы. Непосредственно слева от нас находился остроконечный мыс, который резко отклонялся на северо-запад, образуя большую бухту. На берегу лежали двадцать каноэ, которые будума бросили, как только увидели нас. Вся эта часть озера была чрезвычайно мелкой, и в воде было много аистов и других длинноногих птиц, которым вода едва достигала до колен. Это была самая северная точка озера, которую я достиг. Из-за мелководья было невозможно плыть дальше. Это препятствие для плавания подтверждается лейтенантом Фрейденбергом, французским офицером, который в ту пору изучал тот же регион.

Мы кричали людям будума, стараясь убедить их в наших дружественных намерениях, но не смогли заставить их вернуться. Это было очень неприятно, потому что нам нужен был лодман-проводник. Однако, вернувшись на остров, нам повезло случайно застать там каноэ, и недалеко от него мы обнаружили его «экипаж», спрятавшийся в камышах. Это были дряхлый старик, его два сына и женщина с ребенком у груди. Их поведение и лица выражали крайний страх, и мне кажется, они думали, что наступил их последний день. Но я указал на флаг, который развевался на корме одной из лодок, знаками давая им понять, что нечего бояться. Они вылезли из тростника, и вскоре сидели на корточках вокруг меня, с изумлением нас рассматривая. Вокруг были разложены сети и их улов. Среди прочих была одна большая рыба длиной более 5 футов. Перед отъездом я предлагал двум подросткам стать нашими проводниками, но они отказывались, говоря, что ничего не знают об озере «там» – указывая пальцами на восток. После этого мои «бои» кричали «Шеги, шеги» («Лжецы, мошенники»), заставив их в суматохе бежать к лодкам. Было забавно наблюдать за проявлениями ужаса, который овладел будума, когда они бежали после того, как солгали мне об их незнании озера. Тем не менее, эти двое были нами оставлены в качестве проводников.

Все шло хорошо в течение следующих двух дней, за которые мы проплыли почти двадцать миль. Вокруг была открытая вода с глубиной около 3 футов, и мое настроение значительно улучшилось. Но на третий день начались неприятности. Наш путь теперь блуждал по мелким бухтам, образованным массой небольших островов. Повсюду глубина воды уменьшалась до одного фута, а на дне лежала густая черная грязь. Я был очень занят целыми днями, потому что, стоя в лодке, производил наблюдения, которые удавалось делать, беря пеленги на острова призматическим компасом, а затем по пеленгам фиксировал их положение. Скорость лодки постоянно менялась, в какой-то момент она беспрепятственно двигалась вперед, а через минуту застревала в грязи. Тогда «бои» должны были прыгать за борт, погружаясь иногда по грудь и хватаясь за борта лодки, чтобы не увязнуть в грязи с головой. Таким образом, они с трудом подталкивали лодку. Как они ненавидели эту работу! Но все-таки, они ее делали. Мы таким образом боролись с грязью на протяжении десяти миль, а затем глубина воды уменьшилась до 6 дюймов. Наступило чувство отчаяния потому, что через два часа ожидалась полная тьма, и старый страх быть вынужденными оставаться в лодках на всю ночь, подвергаясь нападению тысяч москитов, парализовал нас.

Рыболовные сети будума

Ближайший остров был в полумиле отсюда, но нам с большим усилием, пробираясь по грудь в грязи и подталкивая лодку, удалось добраться до него как раз перед наступлением темноты. «Бои» к тому времени были полностью истощены, и были не в лучшем настроении. С самого начала они рассматривали озеро, как район, полный злого колдовства. Они боялись и людей будума, которые из-за своих странных способностей внезапно исчезать, наводили моих негров на мысль, что озерные аборигены жили под водой, как русалки.

Они всегда ненавидели меня, когда я приказывал им прыгать за борт, потому что боялись, что их утопят эти сказочные «подводные» люди. На чистой воде, когда сияло солнце, эти страхи в значительной степени рассеивались, но как только наступала темнота, их предчувствия возвращались. Именно тогда от меня требовалась особая осторожность в обращении с ними. Малейший признак колебаний с моей стороны мог стать началом мятежа.

Мои люди, с трудом преодолевая грязь, ищут открытую воду для лодки

Но в то же время, проявляя доброту и внимание в других случаях, вы получаете полный эффект стойкости в критических ситуациях. Когда вы путешествуете по Африке, комфорту туземцев должно уделяться внимание не меньшее, чем в случае с цивилизованными белыми войсками. К сожалению, было слишком много примеров, когда белые относились к неграм, как к вьючным животным, которых нужно только погонять. Я взял за правило в походах на лодках начинать движение, если это возможно, не позднее половины шестого утра, чтобы совершить большую часть перехода до того, как солнце начнет жарить вовсю, и давал людям часовой отдых в середине дня.

Таким образом, мы могли закончить дневную поездку в 15.30, что давало «боям» время, чтобы разбить лагерь, приготовить и съесть свою пищу до заката, к этому расписанию дня они привыкли. Их рацион в 2 фунта проса выдавался им в конце дневной работы, и лишь немногие из более осторожных туземцев не съедали все сразу, а откладывали, чтобы поесть в середине следующего дня. В случае большого количества носильщиков, они делятся для еды на группы. В каждой группе выделяется человек, который готовит еду на всех. Все члены группы садятся вокруг общей чаши, и каждый в свою очередь, окунает пальцы в пищу. Негр – общительное существо, и товарищество почти всегда необходимо для его благополучия. Очень редко можно увидеть туземца едящего или спящего в одиночестве. Я помню, что однажды мой староста каравана пожаловался на одного из носильщиков, который ел и спал сам по себе. Староста убеждал меня в том, что тот человек нехороший и никуда не годится.

Мы вернулись на остров и разбили лагерь, пока не стало слишком темно. Люди были сильно уставшими, и уже стемнело, прежде чем они развели костры и приготовили свой заработанный ужин.

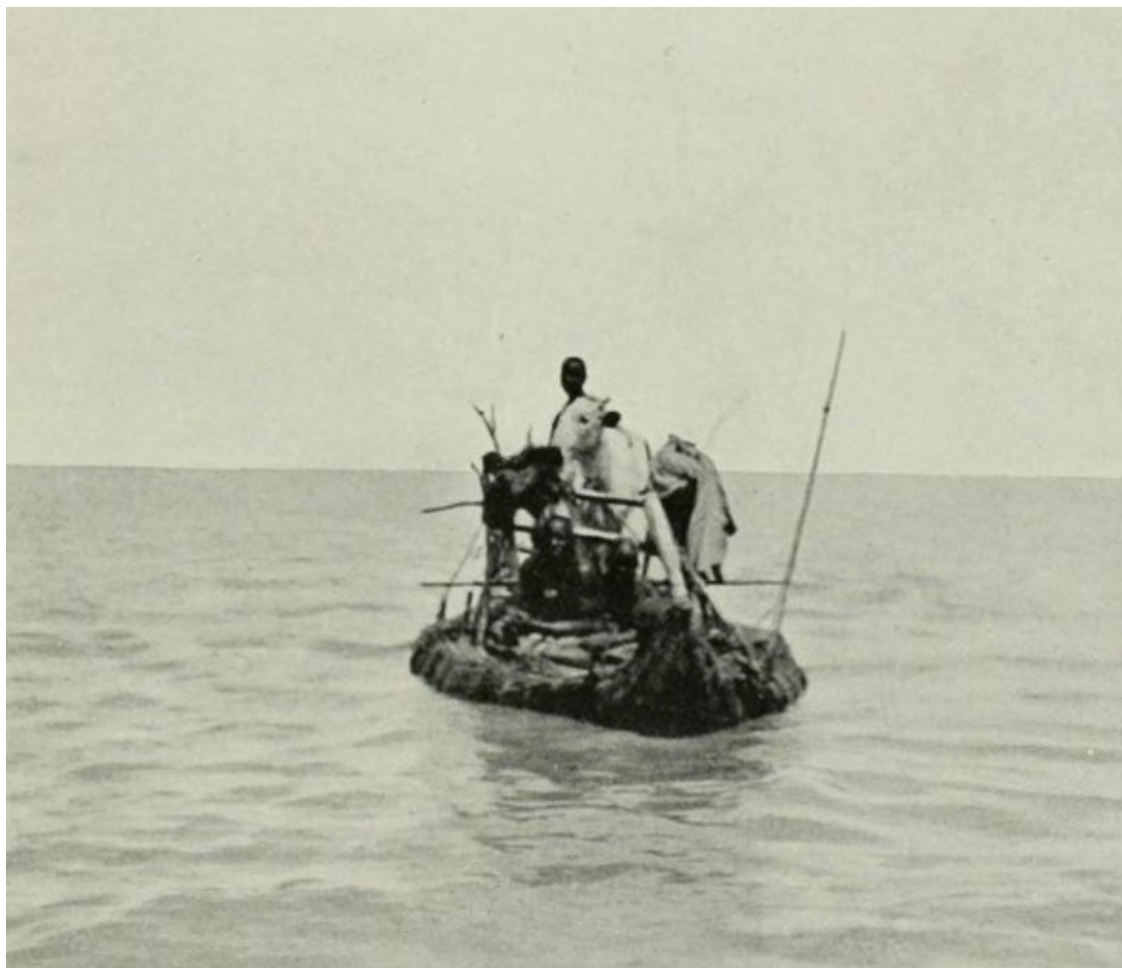
Ночь была холодная, поэтому двое из «боев» отдали свои одеяла людям будума. Когда настал день, мы обнаружили, что и будума и одеяла исчезли. Мы искали молодых негодяев по всему острову. Мои негры были в ярости и подожгли высокие сухие камыши в надежде

выкурить будумов, как крыс. Вскоре после этого усилился ветер, и весь остров окутался пламенем.

Это было сигналом для множества грифов, которые появились в небе и парили, кружась, как будто помогали нам в поисках. Но никаких следов воров мы не обнаружили, пока я случайно не наткнулся на отпечатки их ног в грязи в месте, где мы высадились на остров. Все мы были поражены, потому что это свидетельствовало о том, что два юных будума пробежали по грязи там, где наши люди вчера пробирались погружаясь по грудь в ил. Потеря проводников не имела для нас большого значения, поскольку они оказались дикими и испуганными, и мы не могли получить от них никакой информации о нашем местонахождении.

Мы не долго тянули со временем, загрузили лодки и были готовы идти вперед. Осматривая восточный горизонт, я увидел двух всадников примерно в миле от нас. Это могло быть не что иное, как восточный берег, так что мы практически пересекли озеро! Но было невозможно высадиться на берег, поскольку обширная грязевая бухта, усеянная небольшими островами, лежала между нами и твердой землей. Для меня было большим сюрпризом узнать, что пересечение было выполнено переходом всего в тридцать миль, так как карта, имевшаяся у меня, показывала ширину озера в этом месте, по меньшей мере, в шестьдесят миль.

Мы повернули назад по пройденному уже маршруту, и все утро 1 марта было потрачено на то, чтобы тащить лодки через грязь и отмели, которые мы форсировали предыдущим вечером. Около полудня, когда лодки снова оказались на глубине в 2 фута, мы отправились на юго-восток, обогнув пояс бесчисленных островов и мелких бухт, которые закрывали восточный берег. Таким образом, мы путешествовали в течение двух дней в очень медленном темпе и без особых инцидентов. Средняя глубина воды составляла 2 фута, а иногда грязь уступала место жесткому дну.

Будума перевозит скот по озеру на каноэ

Во второй половине дня, огибая небольшой остров, мы наткнулись на каноэ. Наше появление было настолько внезапным, что у туземцев не было времени убежать. Их было трое, мужчина и женщина с ребенком. Они были типичными будума северной части озера, которые являются совершенно дикими, пришедшими на озеро из страны на северо-западе от Канемы. У них нет племен, они бродят по озеру в составе семей или небольших групп. Это вымирающий народ, причиной чего являются постоянные близкородственные браки. Эта же причина, несомненно, объясняла замечательное сходство всех этих будума, которых я видел. Каноэ этих дикарей было намного больше, чем я видел раньше, и, казалось, содержало все их имущество. Здесь были пучки сетей, два запасных шеста, несколько почерневших варочных котлов для рыбы, которые были их единственной посудой, а также ряд странных предметов, включая зубы бегемота для соскабливания рыбы, и рулоны черного табака, который все будума жуют постоянно.

Буксировка лодок по грязи

У них были грубые черты лица, смотрели они враждебно, и выглядели отвратительными, пока не встали на ноги и вызвали восхищение прекрасным развитием грудных мышц и рук. Женщина носила на голове кусок синей ткани, как защиту от солнца. Ребенок (мальчик) был сильно перепуган и не решался даже посмотреть на нас. Я позвал Кавассо, чтобы он принес мне горсть больших синих бусин, а затем знаками объяснил матери, что отдаю их ее ребенку. Не знаю, думала ли она, что я хочу его купить, но она взяла бисер и презрительно бросила его в воду.

В то же время эта встреча оказалась для нас удачной, поскольку нам удалось уговорить мужчину быть нашим проводником. К вечеру мы добрались до самого большого острова из тех, которые нам до этого встречались. Наш новый проводник сказал, что остров называется Кагерерум. Он был полторы мили в длину и милю в ширину. Его берега были из песка, с короткой сухой травой, которая резко контрастировала с темно-зелеными камышами в воде у берега. В центре острова был ряд небольших тростниковых хижин, похожих на стога сена. Мы обнаружили, что хижины пустынные, но были свидетельства того, что в последнее время здесь находились стада скота, потому что мягкая земля была изрезана сотнями следов раздвоенных копыт. Эти острова (как и многие вдоль восточного берега) связаны с материком бродами, где дно является твердым, и стада могут по нему пройти.

Тонкого ограждения из тростника вполне достаточно, чтобы животные не блуждали по берегу острова. Будума выгоняют свой скот на эти острова, либо для безопасности от нападения, либо когда истощаются другие пастбища.

На следующее утро мы покинули Кагерерум и отправились в западном направлении, продвинувшись, примерно, на четыре мили, после чего безнадежно застряли и вынуждены были перетаскивать лодки на 1200 ярдов на небольшой остров под названием Воллам. За островом мы снова обнаружили жесткое дно и течение в юго-восточном направлении со скоростью одна миля в час. Это удивило нас, потому что мы никогда не замечали раньше течения на озере. Это могло быть вызвано только возвратом воды из полей грязи при стихании ветра. Ночью наш друг будума исчез, поэтому утром мы организовали охоту на этого человека.

Будума с женой и ребенком

В конце концов, он был найден лежащим на животе в тростниковом болоте на другом конце острова. Его обнаружением мы обязаны коршуну, который завис над его укрытием, что привлекло наше внимание. После этого он повел себя очень плохо, сидел и угрюмо молчал, отказываясь отвечать на любые вопросы. «Бои» вначале относились к нему хорошо, но когда обнаружили, что он не отвечал на их дружелюбие, они отстали от него и всегда, когда нужно было лезть в грязь (а это случалось все чаще и чаще), он был первым, кого отправляли за борт, чтобы возглавить буксирную команду.

Будума имел странный вид, когда бросался вперед, его черное блестящее тело, маленькая голова и длинные руки на расстоянии придавали ему сходство с гигантским пауком. Когда он однажды застрял и барахтался в черной грязи, погружаясь, сначала по колено, затем по пояс, а затем по шею, мои «бои» залились дружным смехом. Я считаю, что моим неграм понравилось, если бы будума утонул совсем, потому что они начали думать, что его мстительный дух намеренно ведет нас в худшие места. Он был бесполезным для нас человеком, и я начал сожалеть о том, что мы его взяли. У него были те, кого надо кормить, а он не смог заработать, не дав нам никакой информации взамен. Однажды, после того как он продолжал хранить молчание, я попробовал отправить его спать без ужина.

Сначала это, казалось, подействовало, он заговорил и сообщил моему старосте, что поведет нас на следующий день на остров, где было большое селение будума с большим количеством людей и скота, и он подтвердил свою речь, указав определенное направление. Но, когда настал следующий день, и его желудок был заполнен, мили «грязелечения» не приблизили нас к обещанному селению.

В течение следующих восьми дней мы пробирались через сеть островов, через обширные бухты, ограниченные со всех сторон широкими болотами, постоянно надеясь найти место для высадки.

Везде, где вода, казалось, давала проход, мы предпринимали попытку добраться до берега, иногда продвигаясь на милю в нужном направлении, но только для того, чтобы быть вынужденными с трудом возвращаться на наше прежнее место, повторить попытку в другом месте и снова потерпеть неудачу. Наши трудности были увеличены тем, что в этот сезон сильный ветер постоянно дул с востока и, без сомнения, угнал воду на запад. Ветер усиливался каждый день в семь часов утра, а к полудню солнце скрывалось в густом влажном тумане, через который мы должны были нащупывать наш путь. Так быстро и странно вода озера под воздействием ветра перемещалась от берега к берегу, что однажды утром мы обнаружили, что вода ушла, оставив огромных рыб, застрявших на отмели. Некоторые из них были длиной 4 фута.

Остров Кагерерум

Вряд ли я смогу описать разочарования всех этих дней, наши поражения и бессонные ночи отчаяния, когда ни один остров не мог быть достигнут из-за грязи, и мы были вынуждены лежать в переполненных лодках. Я мог бы рассказать о стогах и проклятиях людей и их жалких воплях, поскольку всю ночь нас атаковали орды москитов. Поэтому, я не буду останавливаться на этой части наших испытаний. В конце концов, лишения и безнадежность усилий подорвали нашу энергию и стали проявляться первые признаки пассивного мятежа. Затем закончились еда и дрова, и нам ничего не оставалось, кроме как вернуться в Йо.

Мы прибыли туда 16 марта, за все время путешествия разбив на островах 19 лагерей. Я чувствовал разочарование из-за бесплодности наших попыток высадиться на восточном берегу; но, в конце концов, был накоплен большой опыт и некоторые знания, которые теперь были воплощены на карте озера.

Первое, что нужно было сделать, – отправить сюда из Боссо больше провианта, поэтому мы остались на два дня на знакомом острове. Кроме того, необходимо было дать людям отдохнуть. На следующий день после нашего приезда мой бой-оруженосец дезертировал. Его видели,

когда он покинул лагерь со всей своей одеждой, на вопросы он отвечал, что идет на реку, чтобы помыться и постирать, и мы больше его не видели.

Он был одним из зачинщиков недавнего недовольства, и его следовало бы выпороть за неповиновение. Прощение негров после совершения проступка – большая ошибка, потому что они не понимают этого и принимают милосердие за слабость. Есть четыре способа их наказания: порка, штраф, сокращение пайка или «арест в полевых условиях». Первый является лучшим в каждом случае нарушения дисциплины, но он должен назначаться только после тщательного расследования фактов, поскольку негр болезненно воспринимает ошибку судебного разбирательства. Но там, где наказание справедливо, он легко переносит порку.

Порка в начале экспедиции часто приносит большую пользу общей дисциплине в партии, чем что-либо еще, поскольку она будет действовать, как полезный сдерживающий фактор. Поговорка – «дайте ему палец и он откусит всю руку!», хорошо применима к туземцу, и это очень заметно в отношениях негров с белым человеком, новичком в стране, которого все «бои» готовы испытать на покладистость и слабохарактерность с самого начала. Что касается штрафов, то сомнительно, чтобы они имели большой эффект в караване, поскольку, заработная плата носильщикам и эскорту всегда выплачивается по окончании «контракта», и негр, живущий сегодняшним днем, не чувствует наказания, которое его постигнет когда-нибудь при окончательном расчете. Еще одно возражение против штрафов заключается в том, что туземцы подозревают, что белый человек пытается заработать на них деньги, присваивая их штрафы. Конечно, это можно оспорить, выбросив на глазах туземца штраф, который тот заплатил. Однажды один правительственный чиновник, которого я встретил на Бенуэ, оштрафовал своего «боя» на десять шиллингов и немедленно выбросил деньги в воду. Это имело последствием то, что он был почти открыто высмеян неграми, как кретин, который выбрасывает деньги.

Еще одно действенное – это «арест в полевых условиях». Наказание должно производиться на глазах всего лагеря, а еще лучше, в общественном месте. Виновнику в этом случае приходится сталкиваться с насмешками толпы, испытание, которое негр ненавидит больше всего на свете. Наказать черного человека через его желудок, также является хорошим сдерживающим фактором, но на марше это трудно осуществить, поскольку у провинившегося обычно есть друзья в лагере, которые поделятся с ним своим пайком. Из этих рассуждений нельзя полагать, что наказания являются обычным явлением. Если белый человек проявляет внимание и удовлетворяет основные потребности своих работников и слуг, то нарушения будут редкими. Пока живот черного человека набит пищей, он будет выполнять свою работу весело и хорошо. Здесь я упомяну мудрый обычай демонстрировать свою признательность туземцу, когда он выполняет какое-то задание особенно хорошо. Для подобной «демонстрации» достаточно дать негру дополнительный пищевой паек. Такой «подарок» долго помнится туземцами, которые смотрят на дающего как на «большого человека» и на хорошего хозяина.

Два дня в лагере на острове у устья реки воспринимались, как праздники. Обилие рыбы и перспектива получения большего количества пищи из Боссо подняли настроение «боев», и прошлые неприятности были забыты. Вскоре лагерь наполнился смехом и весельем, и все радовались, купаясь и ныряя в воду. В это время дул сильный ветер, поэтому по ночам почти не было москитов.

Прямо за пределами нашего лагеря, в заливе, собралось очень большое количество каноэ будумов. Некоторые из их старейшин подходили ко мне и жаловались, что они были изгнаны с севера французами – возможно, за их прошлые грехи в сотрудничестве с тубу, с которыми французы воевали. Они попросили о моей защите и хотели, чтобы я показал им именно те места, где начиналась британская часть озера, чтобы они могли там обосноваться, не подвергаясь преследованию.

19 марта мы готовились к маршу в наш старый лагерь в Каддае. Примерно в восемь часов утра поднялся сильный ветер с севера, так что паруса были развернуты, и мы полетели мимо

островов и поросших тростником мысов. Озеро стало напоминать бурное море, и время от времени мы черпали бортами воду, что очень веселило «боев». Это проявление нрава озера было для нас новым, но из-за его недостаточной глубины волны не могут достигать больших размеров. В ту ночь мы не смогли добраться до Каддая, поэтому расположились на заболоченном мысе. Здесь дезертировал еще один из моих лодочников, который сократил число «шестовиков» до восьми. Я слышал потом, что этот человек пришел в Кукаву и распространял самые ужасные слухи о нашем путешествии на озере – что многие люди умерли от голода, а другие были потеряны, увязнув в глубокой грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.